

УДК 811.161.1'1

З.И. Резанова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ИДЕИ, МЕТОДЫ, РЕШЕНИЯ

Охарактеризованы теоретические подходы, методология исследований метафорического фрагмента русской языковой картины мира. Обосновываются методологические решения, варианты анализа языковой, текстовой, дискурсивной картин мира, выработанные на теоретической основе лингвокогнитивного направления современного языкознания.

Ключевые слова: метафора, языковая картина мира, миромоделирование, метафорическая модель, ключевая текстовая метафора, ключевая дискурсивная метафора.

В конце 1990-х гг. в Томском государственном университете была создана проблемная группа «Метафорический фрагмент русской языковой картины мира», в которую вошли преподаватели и аспиранты кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета, а также преподаватели других вузов Томска.

Цель исследования была сформулирована следующим образом: «Представить метафорическую систему русского языка в аспекте ее моделирующих возможностей в русской языковой картине мира как варианте интегральной русской модели мира» [1. С. 8]. Обращение к данной проблематике было обусловлено осознанием значимости метафорического конструирования смыслов в языке в целом и его генетической первичностью в выстраивании семантики естественных языков (метафора вырастает из мифа как своей гносеологической базы), тем, что ключевые концепты русского языка определяются метафорическими смысловыми схемами. Генетическая, онтологическая и функциональная базисность метафорического концептуального моделирования определяет их регулирующее значение в современном мироопределении человека [1. С. 8–9].

1. Теоретико-методологические основы исследования.

1.1. Методологические решения, конкретные процедуры анализа метафоры в аспекте ее моделирующих возможностей формулировались в рамках лингвокогнитивного подхода, интерпретирующего язык не как автономную систему, а как способность, обусловленную общими когнитивными механизмами, как открытую систему, свойства которой определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого знания. Одним из значимых положений когнитивной лингвистики, касающихся определения природы мышления, является утверждение о значительной роли, которую играют процессы аналогового отражения действительности, и, как следствие, – о значимости метафорических и метонимических образов в его структурах [2. С. 387–416]. *Метафора* в данном направлении рассматривается как важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций.

Отметим, что при всей кажущейся очевидности семантики термина «метафора», история бытования которого в научных текстах гуманитарной направленности насчитывает не одно тысячелетие, в современной лингвистике с ее многотемьем, значительным разбросом подходов к анализу одного объекта обнаруживается вариативность его истолкования в разных лингвистических направлениях: существенно различаются содержание и объем понятия в лингвостилистических работах, в семасиологических исследованиях и когнитивном анализе.

В лингвостилистике метафора дефинируется и характеризуется как *троп*, т.е. «средство выразительности, основанное на переносе значения и, в результате, совмещении смыслов в одной и той же форме» [3. С. 367]. При этом метафора соотносится с другими тропами – олицетворением, метонимией, синекдой, гиперболой, мейозисом, иронией, аллегорией, перифразой, находящимися с данным термином в отношении частичного пересечения областей референции. Лингвостилистика относит к метафоре как лексические единицы, так и сложные образования, так называемые развернутые метафоры, границы которых могут совпадать с границами текста.

В семасиологии метафора интерпретируется как тип регулярной многозначности и как слово, имеющее специфичный тип производного, вторичного значения, формируемого в результате своеобразного способа перестройки компонентов семантики исходного номинативного значения. Метафора в данном случае семантически противопоставляется метонимии, родовидовым отношениям и другим вариантам семантических переносов в пределах формального тождества лексической единицы; при наличии единства семантических отношений метафора как тип регулярной многозначности формально противопоставлена морфологически маркированным типам выражения аналогических уподоблений (*нетух* «птица» → *нетух* «человек» и *нетух* «птица» → *нетушиться*), фразеологическим метафорам (*сесть в лужу*), развернутым текстовым метафоричеким фрагментам.

Семасиологический анализ как одно из направлений собственно лингвистического (внутриязыкового) исследования опирается на базовый теоретический постулат о взаимной корреляции формы и семантики. Вследствие этого одним из естественных (и в то же время продуктивных) направлений изучения метафоры является моделирование ядерных зон анализируемого языкового явления. В данном случае в качестве такого ядра анализируются узуальные вторичные наименования, воплощающие примеры полисемии с живой, неугасшей образностью. Другие варианты реализации переносов наименований или создания метафор рассматриваются в сравнении с этим типом и нередко выводятся за пределы «собственно метафоры» – языковой метафоры, возникшей в результате внутрисловного семантического развития. Так, например, Г.Н. Скляревская ограничивает зону языковой метафоры в противопоставлениях: «узуальное / окказиональное», «живая образность / угасшая образность», относя к языковой метафоре только единицы, объединяемые признаками левых членов оппозиций [4. С. 32–47]; авторы «Словаря образных слов и выражений сибирского говора» терминологически противопоставляют метафору – ЛСВ многозначного слова, создаваемый на основе семантических отношений подобия, и собственно образное слово,

т.е. морфологический дериват, имеющий метафорическую внутреннюю форму, отмечая единство семантических механизмов образования вторичных единиц разных типов [5. С. 6].

Полагаем, что различие содержательного наполнения, границ референции термина «метафора» в исследованиях разных направлений языкознания мотивировано своеобразием проблемного поля, выстраиваемого с опорой на данный термин.

Подход к метафоре как к лингвокогнитивному феномену, как способу понимания фрагмента действительности, закрепленному в его наименовании, предопределяет перенос фокуса внимания исследователей с взаимоотношений языковой формы и семантики на соотношение языковой семантики и обусловливающих ее формирование когнитивных механизмов. Вследствие этого термин «метафора» в работах лингвокогнитивного направления рассматривается как феномен, имеющий сложную, не собственно лингвистическую и не собственно когнитивную природу, но обусловленный в своем существовании факторами языкового и когнитивного характера. Именно такое понимание природы феномена, обозначаемого базовым термином «метафора», предопределило максимально широкое определение границ его референции в работах проблемной группы томских метафорологов: «В качестве интегральных признаков языковой метафоры признаются: а) выраженность языковыми средствами; б) двоякость смысла на основе аналогического (а иногда и на других основаниях) уподобления предметов, признаков, процессов с выходом за пределы естественных родов в логических классификациях» [6. С. 26], что и было воплощено в практике описания метафорических фрагментов языковой картины мира. В объект исследования наряду с узualmente (книга жизни, перевернуть страницу жизни) включается материал генетических, «мертвых» (время идет, жизнь проходит), стершихся метафор, поэтических штампов (пламя поцелуя, жар страсти) и текстовых, индивидуально-авторских (экранные тени, бутафорские переулки, захлопнуть книгу жизни), лексических и морфологических дериватов, построенных с использованием общих смысловых механизмов аналогического уподобления; в ряде работ материал исследования расширяется за счет включения фразеологизмов с метафорической внутренней формой, сравнительных оборотов и реже – метонимических переносов.

При этом в фокус внимания попадают как моменты интегративные, составляющие внутреннее единство внешне различных феноменов, относимых к языковым метафорам и реализованным в различных текстовых позициях, так и проявления вариативности, диалектика потенциального и реализованного, узualmente и окказиональности, синхронного и исторического [6. С. 27].

1.2. Как и любой междисциплинарный подход, лингвокогнитивный допускает возможность анализа «от когнитивных структур/механизмов – к способам их языкового воплощения» и обратный подход «от языковых структур – к репрезентируемым им механизмам». Воплощение первого подхода мы наблюдаем, например, в психолингвистических экспериментальных исследованиях кодирования и декодирования метафоры, в том числе и при измененных состояниях сознания. В практике анализа проблемной группы метафорологов Томского университета был воплощен второй подход, при

котором языковые единицы воспринимаются и интерпретируются как своеобразный «вход» в когнитивные структуры. Интерпретация семантических механизмов метафорических номинаций при объединении методов семантического анализа и когнитивного моделирования приводит к обнаружению репрезентируемых системами языковых метафор механизмов понимания фрагментов действительности, в результате моделируется метафорический фрагмент языковой картины мира. Таким образом, исследования проблемной группы формировались на пересечении метафорологической проблематики и проблемного поля языковой картины мира.

Языковая картина мира интерпретируется как воплощение особого способа ментально-языкового членения действительности, объективированного в структурах внешней языковой формы, прежде всего в грамматике языка и его лексиконе. Своеобразие этноязыковой картины мира наиболее ярко проявляется в степени разработанности синонимических рядов как языковом отражении ключевых концептов культуры, в системе внутренних форм слов, объективирующих «привычные ходы мысли» при номинации явлений окружающего мира, в ряду которых находятся и метафорические внутренние формы. При этом системное семантическое описание лексических группировок является основой для построения лингвокогнитивной модели образной интерпретации какого-либо фрагмента действительности.

1.3. Значимым для определения направлений анализа, постановки конкретных исследовательских задач проблемной группы было понимание метафоры как смысловой *структуры, обладающей особым интерпретационным потенциалом*. При моделировании метафорических фрагментов языковой картины мира выявляется, во-первых, значимость всех элементов семантической структуры метафорической номинации в процессах лингвокогнитивного миромоделирования (1) результирующий образ, собственно метафорическое значение; 2) отсылочный образ, прямое номинативное значение, источник метафорического образа; 3) аспект соотношения исходного и результирующего значений), во-вторых, важность учета модельного, типового характера метафорического именованья в его обусловленности когнитивными структурами.

Интерпретационный потенциал метафоры формируется динамическим взаимодействием трех основных элементов метафорической номинации в условиях относительной самостоятельности каждого из элементов трехчастной структуры метафорического значения. Прямое номинативное и результирующее, метафорическое значения выступают в качестве своеобразных призм, фокусирующих смыслы друг друга, актуализирующих элементы смысла в целостных семантиках соотносимых единиц и репрезентированных ими когнитивных структурах.

Осознание относительной самостоятельности компонентов метафорического имени послужило основанием моделирования фрагментов языковой картины мира через обособленное описание миромоделирующего потенциала:

1) *прямых номинативных значений, оснований* метафорического уподобления (сначала были проанализированы метафорические системы, формируемые на основе образного осмысления семантики звучания в русском языке [7–9], затем пространства [10], перемещения в пространстве [11; 12]);

2) *результативных значений* метафорических номинаций (метафорические наименования концептуального поля времени [13–16], затем чувств и эмоций [17] и этико-эстетической оценки [18–20]).

Оба подхода позволяют выявить метафорические фрагменты языковой картины мира, завершаясь выявлением *систем метафорических моделей*, однако при этом основанием их систематизации в первом случае является концептуальная общность прямых номинативных значений, оснований метафорических переносов, во втором – отнесенность метафорических номинаций к какому-либо концепту.

1.4. При формировании рабочей программы исследовательской группы учитывалась, с одной стороны, вариативность языковой картины мира, которая коррелирует с варьированием этнической языковой системы, распадающейся на ряд подсистем (диалекты, литературный язык и т.д.). Вариативность языка-системы, соотносимая с разными вариантами этнической культуры, имеет следствием различие концептосфер вплоть до картины мира, репрезентированной в идиолекте одной языковой личности в совокупности порождаемых ею текстов. Первые исследования были направлены на выявление фрагментов картины мира, воплощенных в системах метафорических репрезентаций русского литературного языка [7–10; 13–16] и русских народных говоров [11; 12; 17–20].

С другой стороны, учитывался тот факт, что непосредственный предмет исследования – языковая картина мира – может аспектироваться в соответствии с базовой дихотомией языка – системы виртуальных инвариантов и языка – деятельности, зависящей в своей реализации от факторов ситуативного порядка. Картина мира, воплощенная в структурах языка, предопределяет формы и способы речевого поведения, которые являются важнейшим элементом этнически специфичных культурных сценариев, проявляющихся в системах речевого общения, в детерминированных социокультурными факторами дискурсах. Вводится понятие *дискурсивной картины мира*, определяемой как «вариант языковой картины мира, воплощенной в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами [21. С. 11]. Своеобразие дискурсивного миромоделирования предстает в анализе как отражение когнитивного и языкового опыта коммуникантов, своеобразия их коммуникативных установок.

Таким образом, конкретные исследовательские подходы и процедуры анализа определяются с учетом ограничений предметной сферы, при этом базовыми являются противопоставления: метафорические фрагменты языковой (литературной, диалектной)/ текстовой/дискурсивной картин мира; исследование метафорического моделирования сквозь призму исходного/ результирующего значений метафорического именованя. Как следствие, подходы отличаются и последовательностью вовлечения в анализ источников разного типа и применения конкретных исследовательских методик.

Предмет анализа – языковая картина мира – определяет тип эмпирической базы исследования и круг привлекаемых источников. При моделировании метафорического фрагмента *языковой картины мира* в качестве базовых источников привлекаются словари, текстовый материал используется в каче-

стве вторичного, вспомогательного источника, из которого извлекаются данные об условиях реализации языковых моделей интерпретации действительности. При этом изучение способов языкового миромоделирования опирается на систему методов, выработанных в рамках системно-структурного описания языка, прежде всего на методы структурного анализа семантики. Базовыми приемами остаются в данном случае компонентный и дистрибутивный анализ в его поздних версиях, с помощью которых и моделируются опорные семантические компоненты, вовлеченные в механизм метафорообразования. На последующем этапе используются приемы моделирования, осуществляется переход от языковых к когнитивным структурам.

В том случае, если в качестве предмета исследования выдвигается метафорическая картина мира, воплощенная в отдельном тексте, совокупности текстов, объединяемых на основе единства автора, эпохи, литературного, художественного направления и т.д., в соответствии с изменением предметной сферы изменяются соотношения первичных и вторичных источников и иерархия процедур анализа. Текст в данном случае выступает в качестве первичного источника. Данные языковой системы, репрезентирующие соответствующие фрагменты языковой картины мира, привлекаются в качестве вторичного, но необходимого источника: чтобы понять направление варьирования, своеобразие текстовой интерпретации фрагмента мира в каком-либо тексте, необходима опора на знание базовых направлений языкового миромоделирования. Первичные в исследованиях этого типа методики текстологического анализа, в том числе структурные методы анализа текста, дополняются методами культурологического комментирования и лингвокогнитивного моделирования.

Вследствие сложной детерминированности системного единства дискурса всеми компонентами коммуникативного акта, природа которых зачастую выявляется как не собственно языковая, методология исследования дискурса как феномена в единстве всех его аспектов является синтетичной и междисциплинарной. Во-первых, исследование дискурсивных картин мира опирается на методы моделирования собственно языковой картины мира. Во-вторых, элементы дискурсивной картины мира выявляются в практике текстологических исследований с применением методов, апробированных в работах, посвященных исследованиям текстового миромоделирования. В-третьих, так как дискурсивный анализ призван смоделировать дискурс как реальное речевое взаимодействие, текстологический анализ дополняется методиками культурологического комментирования, ситуативного и лингвосociологического анализа, направленными на выявление внешних импульсов социокультурного характера, влияющих на формирование соответствующего фрагмента языковой картины мира [21. С. 11–19; 22. С. 96–105].

На первом этапе была сформирована исследовательская программа моделирования метафорических фрагментов русской **языковой картины мира** на материале литературной и затем диалектной форм национального языка, а затем была поставлена задача исследований **текстовых и дискурсивных вариаций языковой картины мира**.

2. Метафорическое моделирование концептосферы русского языка.

2.1. Систематическое исследование и описание метафорических номинаций *сквозь призму исходных баз метафорических номинаций* является весьма информативным для выстраивания этноязыковой картины мира. При таком анализе выявляются зоны смыслов, активно задействованные в качестве основы создания метафорических образов, определяются направления их метафорической трансформации, специфика образного переосмысления по отношению к другим смысловым зонам в данном языке или одной и той же исходной зоны в разных языках, подъязыках.

При этом интерпретирующий потенциал номинативных, исходных значений метафорических лексем проявляется прежде всего в системах метафорических словосочетаний разной тематической принадлежности, объединяет которые общность *тематической отнесенности их прямого номинативного значения*. Анализ направлен *от* метафорических значений *к* интерпретации систем исходных номинативных значений как языковых репрезентаций соответствующего концепта.

Такая направленность анализа способствует выявлению семантических моделей языка, формирование которых базируется на когнитивных структурах особого типа. В данном случае необходимо отметить еще один чрезвычайно важный аспект семантики метафорических номинаций: смысловая структура целостного метафорического значения – это диалектическое единство взаимопроникающих и взаимоопределяющих существование друг друга элементов логического, дологического и постлогического. Обращение к метафорическим номинациям через призму *исходных баз метафорических уподоблений* позволяет выйти к осознанию роли в формировании языковых значений опыта предметно-чувственных контактов человека с внешним миром в когнитивных структурах современного сознания. Так, например, анализируя основания метафорических осмыслений *семантики звучания* в русской языковой картине мира, Н.А. Мишанкина приходит к выводу, что одна из наиболее значимых смысловых оппозиций, определяющая направленность метафорических переносов, – противопоставление гармонического и негармонического, шумового звучания. Ощущение физиологического дискомфорта от восприятия сильного или шумового звучания определяет направленность метафорических осмыслений в сферу отрицательных образов [7. С. 21; 8. С. 139–140].

Метафора при этом отсылает нас не только к опыту *первичных ощущений*, но также к опыту *практически-действенных контактов с миром*. Так, восприятие шумового звучания мурлыканья кошки для передачи оценочных смыслов положительного спектра, для обозначения голоса человека, сопряженного с выражением положительных эмоций, свидетельствует о том, что метафорическая номинация актуализирует не только предметный образ животного, но и совокупность типичных ситуаций, в которые включается животное. Из этого же практически-действенного опыта человека проистекают метафорические образы [8. С. 100–101].

Анализируя диалектные метафорические оценочные именованья человека *колотовка* «болтуня, сплетница» (ср. *колотовка* «деревянное приспособление для взбивания масла, теста»), *мешалка* «легкомысленная, болтливая

женщина» (ср. *мешалка* «мутовка, деревянная палочка для размешивания») и подобные, Л.И. Ермоленкина отмечает значимость в метафорическом переосмыслении прежде всего динамической стороны предметов, особенностей их функционирования, участия в каком-либо процессе, а также о важности характера самого процесса, его темпа, условий протекания. Из целостного образа механически повторяющихся движений, производимых орудиями труда типа *колотовка*, вырастают оценочные метафорические именованья поведения человека [19. С. 130–131].

Метафорические именованья этого типа ярко обнаруживают целостность образа метафорического основания, его слабую верифицируемость в логических структурах. Тем более логически трудно определимы основания метафорического отождествления, основывающиеся на интуиции, образах и ощущениях. Рассмотрение метафорических номинаций в этом аспекте приводит к осмыслению значимости мифологических элементов мышления в смысловых структурах языка. К сверхлогическому, коллективному бессознательному, системе мифологических представлений обращают человека и отдельные метафоры, выполняющие, по сути, символическую функцию, переходя, таким образом, в другой номинативный класс – класс символов.

Сравнение метафорических моделей «Человек – это мир», «Мир – это человек», реализованных в системе метафорических номинаций в среднеобских говорах, позволило сделать вывод о когнитивной асимметрии моделей, безусловном доминировании второй модели, которая относится к числу архаических, глубинных, мифологических в когнитивных истоках. Это базовая когнитивная модель проецирования человеком собственных свойств, т.е. самого себя, на окружающий мир. В этой модели, в своеобразии ее интерпретационных корней, в наиболее яркой форме проявляется то, что она отражает некое переживание мира как продление сущности человека. Это концептуальное своеобразие (своеобразие когнитивной природы) метафорической модели находит отражение в том, что большинство ее лексических презентаций составляют стершиеся, генетические метафоры (*ураган идет, месяц народился*), а также лексемы, сохранившие живую образность, но являющиеся номинативными единицами, не содержащие аксиологического компонента. Вторая же модель, «обратная» по отношению к первой, отражает взгляд человека, обращенный к себе через призму окружающего мира (*вспетушился, проворонил* и др.) и служит прежде всего для создания вторичных, стилистически и семантически маркированных наименований, пополняющих экспрессивно-синонимический фонд языка. Когнитивная доминанта данных метафорических номинаций – не отождествление, но противопоставление животного и человека на основе актуализации «модуса фиктивности» (В.Н. Телия) [23. С. 287–295].

Определенные метафорические модели в структурах естественных языков – своеобразные осколки мифологических представлений. Так, например, мифологична циклическая модель времени, жизни и судьбы [14. С. 145–203].

Наконец, мифологическая структура может быть выявлена как результирующая всей системы метафорических переносов, например системы метафорических осмыслений образов звучащего мира, как это представлено в работах Н.А. Мишанкиной [7. С. 21; 8. С. 141], или системы пространствен-

ных образов, как это выявляется в работах А.М. Мухачевой [10]. Важно, что через посредство анализа различных систем метафорических номинаций (пространственные и звуковые метафоры в русской языковой картине мира) авторы независимо друг от друга приходят к определению характера метафорической маркированности пространственной ориентации человека, организованной по двум векторам: вертикальному и горизонтальному. То, что ярко, непосредственно проявлено в системе номинаций, формируемых на основе метафорического осмысления фрагментов вертикального и горизонтального пространства, при переносе в сферы социального, интеллектуального, эмоционального бытия человека (*верхи, низы общества, упасть в чьих-то глазах, возвыситься над обыденностью; дебри науки; как за каменной стеной, иметь крышу, на пороге открытий, трущобы города, непроходимая глупость* и т.д.), в системе метафорических образов, формируемых на основе семантики звучания, выстраивается более опосредствованно, но не менее определенно. В исследовании метафорической интерпретации звучания выявлено, что иерархическая вертикальная модель структурируется через антинормичности звучания небесного (*гром*) и земного (*шум*), линейная модель формируется как градуальная система *человек* (голосовое, вербальное звучание) – *дом* (звучание домашних животных, детей) – *двор* (звучание дворовых животных) – *лес* (звучание диких животных) [7. С. 21; 8. С. 141].

Вовлеченность семантических компонентов номинативных значений в качестве оснований метафорического уподобления является языковым показателем значимости данных смыслов при восприятии соответствующего фрагмента действительности. Анализ всей совокупности метафорических переносов позволяет выявить когнитивную модель соответствующей сферы действительности. Описание метафорических моделей, образованных на основе образного осмысления звучания, стало основой выявления когнитивной модели аудиального восприятия действительности (Н.А. Мишанкина), когнитивной модели пространства, воспринимаемого комплексно, но прежде всего зрительно (А.М. Мухачева), модели движения, представляющей образную интерпретацию кинестетического опыта человека (Л.В. Надеина).

В диссертационном исследовании Н.А. Мишанкина пришла к выводу о том, что когнитивная модель представления звука в сознании русского человека включает «два принципиально различных, но в то же время соотнесенных семантических слоя: *звукотип*, репрезентирующий акустические параметры звука, и *звукообраз* – систему метафорических смыслов «второго» плана: периферийных, оценочных, эмотивных, символических и т.п. этого типа звучания» [7. С. 5]. Один из важнейших факторов, определяющих восприятие звучания, – тип субъекта. Так, на восприятие звуков, производимых человеком, оказывают влияние «коммуникативная эффективность, коммуникативное поведение – звучание, оказывающее эмоциональное воздействие на слушающего; гармоничность и эмоциональность музыкального звучания; целенаправленность и осмысленность действий субъекта; агрессивность и этичность поведения; благоприятность эмоционального состояния» [7. С. 16].

В работе А.М. Мухачевой при выявлении когнитивной модели образного компонента концепта «пространство» доказана тесная связь собственно пространственной семантики с предметной и функциональной, что позволило

выявить обширные функциональные сферы языковой репрезентации смыслов пространства: «пространство – среда» и «пространство – организация», а также характер их актуализации в системах языковой образной репрезентации основных сфер жизни человека: ментальной, психической, социальной, физической. Так, например, автор исследования показывает, как «в образном осмыслении *психологической сферы* семантика земного пространства связана с образами обыденных, грубых чувств, желаний (*земные страсти*); семантика небесного пространства является основой осмысления образов высоких, непорочных чувств, мыслей (*небесное существо, небесный взгляд*), образа возвышенного существования (*он был на седьмом небе*); на основе семантики воздушного пространства создается образ нестабильности (*витают между небом и землей*) [10. С. 13].

Л.В. Надеина, исследовав системы метафорических номинаций, построенных на образном переосмыслении ситуации движения-перемещения в физическом пространстве, выявляет закономерности актуализации определенных когнитивных сфер, репрезентирующих различные его аспекты, убедительно доказывает, что на образное восприятие движения могут оказывать влияние следующие параметры ситуации движения: 1) направление движения (вверх, вниз, вперед, назад, по замкнутой кривой, из стороны в сторону); 2) среда (воздух, земля, вода); 3) характер движения (поступательное, вращательное, колебательное); 4) скорость (большая, малая); 5) способ перемещения (пешком, бегом, ползком, волоком); 6) каузация; 7) тип субъекта [11. С. 6; 12. С. 217–222].

2.2. Выявление и описание систем *метафорических словосочетаний с именами соответствующих ключевых концептов*, через актуализацию которых моделируется именуемый фрагмент действительности, как следствие – формируются специфические концепты, категории, включающие образные компоненты в качестве существенно важных элементов своей структуры, – это второй, самостоятельный аспект исследований проблемной группы. Анализ метафорических словосочетаний с именами ключевых концептов является доказательством того, что метафора – это в первую очередь средство представления ментальных, скрытых, не явленных в непосредственных физических ощущениях структур через образы физического, чувственного опыта. Абстрактные категории времени, мышления, эмоций, чувств, социальных отношений – это сферы языковой семантики, формируемые дискурсивно, прежде всего – метафорически. Эти категории познаются в механизмах уподобления-отождествления с образами, понятиями, источниками которых является перцептивный, моторно-двигательный опыт человека.

Исследование миромоделирующего потенциала *результативных значений* метафорических номинаций включает выявление и описание систем *метафорических номинантов* ключевых концептов культуры. Так как метафорические единицы в подавляющем большинстве своем выступают в качестве средства вторичной номинации, они образуют синонимические ряды вариативных обозначений одного явления, предмета внеязыковой действительности. Основания метафорических уподоблений (база метафоры, исходные мотивирующие значения), образуя некую систему призм, через которую интерпретируется именуемый фрагмент действительности, выявляют набор

ментальных конструктов, особенности эмоциональной и интеллектуальной интерпретации какого-либо явления, фрагменты картины мира данной лингвокультуры.

Членами проблемной группы в рамках диссертационных исследований были проанализированы на материале литературного языка *концепт времени* (Д.А. Катунин) и на диалектном материале метафорические модели *чувств и эмоций* (Л.Н. Коберник) и системы метафорических *оценочных наименований* человека (Л.И. Ермоленкина).

Концепт «время» получает абсолютно преобладающее метафорическое представление в языке, анализ этого концепта позволил не только показать моделирующую силу метафоры в ее результативной части, но и механизм формирования абстрактных смыслов движения времени, влияния времени на разные сферы жизни через их соотнесение с переживанием различных аспектов физического опыта человека. В русской языковой картине мира базовыми являются «динамическая модель движения времени, модель деструктивного воздействия времени и количественные модели времени, о чем свидетельствует степень частотности их актуализации, количество зафиксированных единиц, регулярность производства переносных ЛСВ и степень функциональной универсальности»; при этом «множественность типов исходных значений метафорического переосмысления образов времени в русском языке может рассматриваться как свидетельство базовости этой категории в категориальном аппарате мышления» [13. С. 23].

Л.Н. Коберник, анализируя систему метафорических номинаций чувств и эмоций в русских народных говорах, доказала, что в восприятии носителей языка эмоциональные состояния существуют как образные представления в виде определенных когнитивных схем, включающих в себя фазы *каузации, пребывания в эмоциональном состоянии, проявлений*; метафорическое моделирование сферы чувств и эмоций преимущественно связано с переосмыслением сферы физического мира, включающего объекты мира животных и растений [17. С. 6–8].

Автору удалось в системе метафорических номинаций увидеть языковые доказательства различий чувств как глубинных внутренних и эмоций как внешних и реактивных состояний эмоциональной сферы человека, выявленных и описанных в психологических исследованиях. Для лексических номинантов чувств характерно метафорическое переосмысление ситуации «пребывание в эмоциональном состоянии», интерпретация ситуации «проявление эмоциональных состояний» характерна для номинантов эмоций [17. С. 6–18].

Одним из направлений исследования фрагментов русской языковой картины мира, связанных с отражением концептуальных сфер времени, пространства, перемещения в физической среде, звучания, чувств и эмоций, был аспект аксиологической направленности интерпретации соответствующих концептов в отражении языковой метафоры [7–17]. Д.А. Катунин, проанализировав весь обширный корпус метафорических определений времени в русском литературном языке, отмечает разную степень актуализации оценочных смыслов выявленных моделей [13. С. 3–24; 14. С. 145–203; 15. С. 139–163]. Например, «при реализации моделей движения времени оценочные

смыслы являются базовыми для большинства моделей; при реализации моделей, где время выступает как субъект или как объект различных действий, не связанных с семантикой направленного движения, значение оценочности становится дополнительным» [13. С. 23]. Анализ метафорических образов звучания в аспекте их аксиологической направленности позволил Н.А. Мишанкиной сделать вывод о «доминировании оценочной деятельности в жизни человека за счет того, что эта деятельность носит предразумный характер, она начинается до появления логического мышления, она интуитивна и базируется на телесном опыте» [9. С. 193].

В исследовании, проведенном Л.И. Ермоленкиной на материале оценочных наименований человека в русских народных говорах, аксиологический фрагмент метафорической картины мира является основным. Автор делает заключение, что оценка, будучи выраженной в метафоре, получает особые семантические возможности, определяемые взаимодействием дескриптивных и оценочных компонентов в исходном и результативном значениях образного имени: «Структура метафоры отражает сложное устройство информационной базы человека, определяемое взаимодействием конкретно-чувственной, рационально-практической и сублимированной информации. Это пересечение различного вида опыта отражено во взаимодействии сенсорно-вкусовых, практических, психологических, этических и эстетических оценок» [18. С. 6–10]. Вынося этическую или эстетическую оценку с использованием метафорического имени, говорящий формирует не ментальное суждение о положительных или отрицательных качествах, а создает в воображении богатую палитру чувств, образов и эмоций [19. С. 110–138]. При этом характер привлечения сенсорных, практически-действенных образов варьируется в зависимости от типа выражаемых оценок: сенсорных, сублимированных, этических или эстетических, и характер этой корреляции подробно проанализирован на обширном эмпирическом материале лексико-фразеологических диалектных систем, в результате чего была выявлена закономерность: «чем важнее в культурном, социальном отношении определенная этическая установка, тем больше у нее «параметров»... самой параметризованной является семантическое микрополе с оценкой речи. Дробность подгрупп этого микрополя свидетельствует о том, что речь для диалектоносителя осмысливается как характерологическое, ключевое проявление человека» [18. С. 23].

2.3. Анализ метафорических интерпретаций ключевых концептов культуры выводит исследователей на формулирование *понятия «метафорическая модель»*, под которой понимается схема формирования метафорического значения, характеризующаяся единством тематической отнесенности номинативных и переносных метафорических значений, типа ассоциативного уподобления, являющаяся языковой репрезентацией типового соотношения соответствующих понятийных сфер; см., например, работы [7–18] и др.

Базовой языковой метафорой называют метафорическую модель, объединяющую широкий спектр семантических соотношений «номинативное значение → образное, переносное, метафорическое значение». Структура и содержательное наполнение модели задаются номинативными значениями

лексем и их организацией в структуре соответствующего семантического поля. Так, структура базовой языковой метафоры «жизнь – это игра» задается структурой семантического поля «игра», включающего подполя названий видов игр (спортивные игры: *шахматы, шашки, футбол, гандбол, волейбол, хоккей, теннис* и т.д.), подполя, отражающие структуру конкретных игр (например, подполе «шахматы» включает наименование участников игры (*шахматист*), шире – тех, кто включен в ситуацию игры (*рефери*, например), названия шахматных фигур (*пешка, ферзь, ладья, слон* и др.), названия ситуаций и положений игры (*шах, гамбит*), названия действий игроков (*делать ход, ходить*). В структуру поля входят наименования общего типа, общие для всех типов игр, – *игра, играть, игрок, победить, потерпеть поражение, выигрыш* и др.

В свою очередь, структура семантического поля является языковым отражением структуры когнитивной. Понятийная сеть структурируется в виде фреймов, ментальных структур знаний о стереотипных ситуациях, репрезентированных в упорядоченных группировках лексических единиц. Введение термина «фрейм» при характеристике способов упорядочивания ментальной информации, непосредственно соотнесенной с ее вербальным выражением, дает возможность представить укрупненно типы связей между единицами ментального лексикона и поверхностного, вербализованного. Фрейм объединяет элементы на основе смежности, подобия, родовидовых отношений, отношений части/целого, являясь нелинейно организованной структурой, что на уровне лексических репрезентаций отражается в нелинейной структуре лексико-семантического поля.

Введение понятия «фрейм» позволяет подчеркнуть наличие сложного состава ассоциативных связей в рамочной структуре смысла, когнитивные основания актуализации всего содержания фрейма как при текстовом функционировании его элементов, так и при его истолковании. Каждый из элементов фреймовой структуры может послужить основанием метафорического отождествления, соответственно, каждый из элементов лексико-семантического поля, репрезентирующего данную фреймовую структуру, получает импульс к развитию семантики, формированию метафорического лексико-семантического варианта.

Анализ метафорических номинаций, выстраиваемых на основании актуализации ассоциативного потенциала лексем, репрезентирующих элементы одного фрейма, вскрывает внутренний механизм организации единиц в структуре базовых концептуальных метафор, о которых пишут Дж. Лакофф и М. Джонсон. В структуре базовой метафоры оказываются метафорически ассоциативно соотнесены два фрейма: первый фрейм – основание метафорического ассоциирования (сфера-источник метафорической экспансии), второй фрейм метафорический, являющийся основанием ассоциативно-образного потенциала соответствующего концепта (сфера-мишень). Любое частное метафорическое уподобление, например именование *пешкой* незначительного, не занимающего значительного места в жизни человека, определяется местом данной единицы в структуре слота «шахматы» фрейма «игра». Метафорическое уподобление вытягивает весь шлейф образных ассоциаций структуры фрейма, равным образом метафора *делать ставку на кого-то*,

что-то как обозначение ситуаций, лежащих за пределами игр, вытягивает образный потенциал, задаваемый ситуацией азартных игр.

Именно эта способность актуализировать неоднolineйные ассоциативные связи в пределах всего сложно организованного фрейма сферы-источника метафорического именованя (в языковой репрезентации – в пределах всего спектра смысловых связей, существующих в структуре соответствующего семантического поля или подполя) дает возможность базовым языковым метафорам выступать в роли **ключевых текстовых метафор**.

С одной стороны, ключевая текстовая метафора является вариантом реализации базовой языковой метафоры, воплощая часть ее образного потенциала в конкретных лексических репрезентациях. С другой стороны, глубинная сложность организации, отсылка через любой компонент ко всему ассоциативному полю базовой метафоры позволяет текстовой метафоре выполнять функции структурирования смысла либо всего текста в целом, либо его фрагмента [24. С. 74–83].

3. Метафорическое миромоделирование в текстах и дискурсах.

3.1. Конститутивная важность метафоры для формирования смыслов в системе языка находит непосредственное отражение в процессах текстообразования. При таком подходе к текстовым проявлениям феномена метафоры исследовательский фокус перемещается с результативного аспекта ее рассмотрения к функциональной интерпретации. Интерес сосредоточивается на изучении специфических способов метафорического отражения и регулирующих механизмов метафорической интерпретации фрагментов мира в различных типах текста в комплексном текстовом миромоделировании. Текстовая реализация парадигматических связей метафор проявляется на разных уровнях [24. С. 74–83].

В рамках исследования роли метафорического моделирования художественного текста Н.А. Мишанкина обратилась к анализу метафорических моделей, функционирующих в системах художественных текстов М.А. Булгакова и И. Бродского. Исходным теоретическим положением исследователя была идея о том, что смысловая «плотность» пространства литературного произведения определяется не только уровнем реализации в вербальном знаке личностных авторских смыслов, но и авторским умением создать такую вербальную сеть, которая бы максимально реализовала смысловой континуум, актуализируя бессознательные телесные чувственные образы и этим создавая условия максимального правдоподобия виртуального пространства.

Анализ специфики метафорического моделирования художественного текста выстраивался на соотношении художественных структур произведения и когнитивного потенциала метафорической номинации: так как метафорический смысл всегда основан на некотором чувственном компоненте, работающем на бессознательном уровне, метафорическое выражение способно передать некоторое архетипическое содержание посредством опоры на наглядно-чувственный образ. Автор показывает, как метафорическая модель, реализующая ассоциативно-чувственные образы, позволяет «уплотнить» виртуальное пространство текста, сделать его более реалистичным. Функ-

ционирование в художественном дискурсе метафорических моделей представления звучания, во-первых, позволяет создать саундшафт художественного текста, во-вторых, актуализирует архетипическую модель восприятия звучания, отражающую мифологическую иерархию объектов действительности [25. С. 106–117; 26. С. 34–37].

Обращаясь к тексту повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», Н.И. Маругина утверждает, что одной из доминант текстообразования повести «Собачье сердце» является ключевая текстовая метафора – посредник концептуальной метафоры «человек – это зверь» и этнокультурной метафоры «человек – это собака», заложенная автором повести в заглавие произведения. Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» организует движение метафорических единиц в текстовом пространстве повести и формирует метафорический сдвиг значительной части произведения. Метафорические единицы в тексте повести формируются во фреймовую структуру, в которой все компоненты связаны «ассоциативной паутиной», организующей концептуальную языковую модель «человек – это животное/зверь» и этнокультурную метафорическую модель «человек – это собака» [27. С. 25; 28. С. 117–123].

Текстовое развитие фрейма, задаваемого в метафорическом названии романа В. Набокова «Король, дама, валет», рассматривается И.Г. Разиной на трех уровнях членения текста: пропозициональном (уровень предикатно-аргументных структур), коммуникативном (уровень тема-рематического развития текста) и семантико-синтаксическом (уровень лексико-грамматического представления). В данной метафорической номинации в качестве сферы-источника выступают названия карт, каждая из которых имеет устный образный потенциал, мотивированный ролью карты в игре (иерархическая структуризация отношений). Их комбинация порождает новые конфигурации смыслов, создавая сферу-источник для образного представления ситуации любовного треугольника. В процессе развития текста каждая из этих лексем развертывается в определенном наборе языковых средств, в том числе системах метафорических образов. Данный сценарий носит универсальный характер и на других языках выражается эквивалентными лексическими единицами, не требующими дополнительной конкретизации при переводе (ср.: «King, Queen, Knave») [26. С. 7–8].

3.2. Дискурсивный аспект анализа метафоры еще на одном уровне выявляет продуктивность идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона о роли базисных метафор в разворачивании дискурсивной практики, взаимосвязанность и в то же время взаимообусловленность проблемы соотношения ключевых метафор в языке и применения ключевых метафор в разного рода дискурсивных практиках. При таком подходе в центре внимания находится идея соотношения когнитивно-коммуникативного своеобразия соответствующего дискурса и потенциала метафоры. При том что в сферу исследовательских интересов были вовлечены материалы разных дискурсов – художественного (в упомянутых ранее работах), рекламного [30. С. 253–262;], виртуального [31. С. 107–117; 32. С. 296–326.], основное внимание было уделено исследованию специфики метафорического моделирования в научном дискурсе. Своеобразие научного дискурса определяют специфичные коммуникативные и когнитивные установки участников научной коммуникации, связанные с

принципиальной ориентацией на получение нового знания на основе уже имеющегося [33. С. 41–49]. При этом получение и представление нового знания рационализируется за счет экспликации логики рассуждений автора. Коммуникативные установки автора текста в рамках дискурса направлены на максимально полное представление информации, включающее логическую систему аргументации, опору на фактографию, отказ от эмоциональной авторской оценки событий, стремление к объективации знания за счет приведения данных из других научных источников, вследствие чего одним из ключевых дискурсивных параметров является интертекстуальность [34. С. 18–29; 36. С. 52–61].

Исследование когнитивных стратегий развертывания научного дискурса показало, что его моделирование как особого ментального, виртуального пространства было бы невозможно без метафорической концептуализации. Метафорическое моделирование научного дискурса опирается на базовое свойство метафоры как лингвокогнитивной единицы интерпретировать абстрактное через представления о конкретном, физическом. Как было показано в работах, посвященных метафорическому фрагменту русской *языковой картины мира* [7–17], подобное моделирование составляет основу «наивной» гносеологии, представляющей невоспринимаемое органами чувств мироустройство по аналогии с миром физическим. Научный дискурс отбирает ряд общеязыковых моделей и «специализирует» их для передачи дискурсивно значимых смыслов, трансформируя базовые языковые метафорические модели в ключевые модели научного дискурса [34; С. 18–29; 37. С. 7–11]. Выявляется многоплановость функционирования метафоры в научном дискурсе. Во-первых, это моделирование пространства научной деятельности, затем, моделирование отдельных феноменов в рамках научных областей. Отдельный научный текст, как правило, представляет некоторую модель видения объекта научного описания, которая концептуализируется метафорически, так как представляет собой абстрактную сущность. Метафорические модели, являющиеся, с точки зрения большей части научного сообщества, удачными, становятся интертекстуальными и занимают позицию парадигмальной модели, определяющей методологию и систему методик на определенном этапе развития научной области. Зачастую парадигмальные модели могут выйти за пределы отдельной научной области и начать существование в виде междискурсивной модели, оказывающей влияние на развитие общества в целом [37. С. 7–11].

Таким образом, выявление метафорического фрагмента языковой картины мира на материале литературной и диалектной подсистем явилось базой последующих исследований дискурсивного варьирования базовых языковых метафорических моделей, обусловленных когнитивно-коммуникативной спецификацией соответствующих дискурсов. Дискурсивный анализ метафорического моделирования текстовых пространств, с одной стороны, углубляет и расширяет знания о потенциале лингвокогнитивных моделей метафоробразования, с другой стороны, является вкладом в развитие теории когнитивного моделирования дискурсов. В настоящее время в рамках исследовательской группы продолжается разработка данных направлений на принципах дополнительности.

Литература

1. *От редактора* // Резанова З.И. Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. С. 8–12.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–416.
3. *Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
4. *Склярёвская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
5. *Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А.* Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 2001.
6. *Резанова З.И.* Метафора в процессах языкового миромоделирования // Резанова З.И. Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. С. 13–75.
7. *Мишанкина Н.А.* Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
8. *Мишанкина Н.А.* Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира // Резанова З.И. Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. С. 76–144.
9. *Мишанкина Н.А.* Метафорические модели звучания // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 164–193.
10. *Мухачева А.М.* Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
11. *Надеина Л.В.* Семантика движения в отражении русской диалектной метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.
12. *Надеина Л.В.* Образное осмысление движения в русском языке (на материале глаголов движения в русских народных говорах) // Изв. Том. политехн. ун-та. 2006. Т. 309, № 5. С. 217–222.
13. *Катунин Д.А.* Время в зеркале русской языковой метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
14. *Катунин Д.А.* Метафорические модели времени в русской языковой картине мира // Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. С. 145–203.
15. *Катунин Д.А.* Метафорические модели времени // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 139–163. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/books/000210505/000210505.pdf>
16. *Катунин Д.А.* Пространственные аспекты метафорических характеристик времени в русской языковой картине мира // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 263–296. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000241588/000241588.pdf>
17. *Коберник Л.Н.* Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры (на материале говоров среднего Приобья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.
18. *Ермоленкина Л.И.* Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.
19. *Ермоленкина Л.И.* Метафорические модели этико-эстетической оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 110–138. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/books/000210505/000210505.pdf>
20. *Ермоленкина Л.И.* Пространственные метафорические модели этико-эстетической оценки // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 296–325. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/books/000210505/000210505.pdf>
21. *Резанова З.И.* Языковая картина мира: предмет и методы исследования // Резанова З.И., Катунин Д.А., Ермоленкина Л.И., Мишанкина Н.А. Дискурсивные картины мира: Теория и практика социолингвистического исследования: Учеб.-метод. пособие. Томск, 2006. С. 7–19.
22. *Резанова З.И.* Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 96–105.
23. *Резанова З.И.* Концептуальные метафорические модели «человек это мир» и «мир это человек»: к проблеме обратимости (на материале сибирских русских народных говоров) //

Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 287–295.

24. Резанова З.И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // Изв. Том. политехн. ун-та. 2002, Т. 305, вып. 4: Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. С. 74–83.

25. Мишанкина Н.А. Метафорическое моделирование саундшафта романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Миромоделирование в языке и тексте: Сб. науч. ст. Томск, 2003. С. 106–117.

26. Мишанкина Н.А., Орлова О.В. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2004. Вып. 1 (38). Сер. Гуманитарные науки (Филология). С. 34–37.

27. Маругина Н.И. Метафора в процессах текстопорождения (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

28. Маругина Н.И. Ключевая текстовая метафора – механизм моделирования авторской картины мира: к проблеме перевода (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Миромоделирование в языке и тексте: Сб. науч. ст. Томск, 2003. С. 117–123.

29. Разина И.Г. Механизмы деривационного порождения текста: семантика – синтактика – прагматика (на материале романа В.В. Набокова «Король, дама, валет» и его перевода на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

30. Резанова З.И., Иваницкая М. Языковые средства воплощения дискурсных стратегий в рекламном тексте // Актуальные проблемы русистики: Материалы Междунар. науч. конф., Томск, 21–23 октября 2003 г. Томск, 2003. Ч. 1. С. 253–262.

31. Резанова З.И., Мишанкина Н.А. Метафора в виртуальном дискурсе (на материале чатов) // Естественная письменная русская речь: Исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 2: Теория и практика современной письменной речи: Материалы конф. Барнаул, 2003. С. 107–117.

32. Резанова З.И., Мишанкина Н.А. Ценностные картины мира современной чат-коммуникации // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 296–326. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/books/000210505/000210505.pdf>

33. Мишанкина Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 41–49. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-041.pdf>

34. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. №1. С. 18–29. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/01/01.html>

35. Резанова З.И. Пространственные метафоры в лингвистическом тексте // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 326–356. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/books/000210505/000210505.pdf>

36. Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 52–61. – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/294/image/294_52-60.pdf

37. Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: Метафорические модели // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 297. С. 7–11. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/297/297.html>

38. Мишанкина Н.А. Метафорическая модель как маркер интертекстуальности в научном тексте // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2008. № 1. С. 18–28. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/02/02.html>